

словах. Созвучие слов указывает на их внутреннее сродство в иной сфере – надо найти путь между ними здесь, в мире пластики и мысли»¹.

Обращение к античным источникам, к традиции греческого идеализма позволяет Сергею Булгакову поднять слово на высокую ступень онтологической значимости. Можно заметить, что его философия имени уходит в этом направлении дальше, чем концепция Флоренского. Однако путь космологического оправдания языка дает мало возможностей для понимания «человеческого измерения» слова. Согласно Булгакову, подлинная поэзия, обладая высшей степенью воздействия на самого поэта, на слушателей, на мир, практически не выражает индивидуальности художника. Автор выступает, скорее, как транслятор, и его одаренность – способность слышать чистые звуки поэзии и передавать их словами, не замутненными ничем случайным и суетным.

Гусев Д.В.

ОПРАВДАНИЕ КУЛЬТУРЫ В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ КАК ЛЕЙТМОТИВ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ С.Н. БУЛГАКОВА

Ю.Ф. Карякин в своей книге «Достоевский и Апокалипсис» писал: «...Культура противостоит небытию. Культура утверждает и спасает бытие путем его одухотворения. <...> И весь прогресс человечества – это непрерывное его самоспасение от нарастающей смертельной угрозы путем самовозвышения, одухотворения»². Угроза распада духовного мира личности и самой культуры в наше время созвучна с ситуацией рубежа девятнадцатого и двадцатого веков, когда эта проблема стала ключевой для мыслителей Серебряного века. В частности, и для о. С. Булгакова важнейшим направлением всего его творчества стала борьба против остро ощущаемой угрозы разложения начал культуры и человека. Обостренное эсхатологическое мироощущение, сопровождавшее понимание о. С. Булгаковым и другими русскими религиозными философами Серебряного века проблем культуры и личности, тесно связано с переломным характером исторической эпохи, с предчувствием наступления катастрофических и трагических событий. Во многом близкое по напряженности эсхатологическое мироощущение стало характерной чертой мировоззрения и современного человека. Поэтому трактовка человека как творца социокультурной и природной реальности в эсхатологической перспективе, которую мы встречаем в религиозной философии Серебряного века, остается для нас по-прежнему актуальной.

¹ Волошин М. Записные книжки. – М., 2000. – С. 122.

² Карякин Ю.Ф. Достоевский и Апокалипсис. М.: Фолио, 2009. С. 12.

Идеи о. С. Булгакова и других русских религиозных философов особенно необходимы нам сегодня, в ситуации остро осознаваемого приближения антропологической катастрофы.

Ярко выраженный антропологизм русской духовной культуры в качестве ее сущностной характеристики и структурообразующего элемента неразрывно связан с принципом эсхатологизма, который вместе с тем определяет динамику и содержание философствования в контексте идеи конца мира. Эсхатологические настроения становятся едва ли не постоянным фоном для рефлексии русскими религиозными философами тем свободы, судьбы человека, смысла его жизни, творчества, роли и назначения культуры. Обращение к проблеме человека как центральной и ее раскрытие в контексте эсхатологии в культуре Серебряного века связывалось с поиском путей восстановления целостности сущностных начал человеческого существования путем синтеза, сопряжения различных элементов духовной жизни. Серебряный век русской культуры и стал попыткой воссоединения разрозненных начал духовной жизни. Наиболее заметно сопряжение принципов антропологизма и эсхатологизма в произведениях о. С. Булгакова, Н. Бердяева, С. Франка, Г. Федотова. Правда, их эсхатологические идеи редко рассматриваются в философско-антропологическом контексте. Преобладает установка на их прочтение в первую очередь в историческом и социально-философском ключе.

Ученик и биограф о. С. Булгакова Л.А. Зандер определял эсхатологизм как основную категорию его мысли, побуждающую мыслителя к преодолению самой философии, к выходу за ее пределы. Ключевой для понимания о. С. Булгаковым человека и культуры в контексте проблемы конечности мира является антиномия хилиазма и эсхатологизма: «Хилиазм активен, жизнедеятелен; эсхатологизм – пассивен, квиэтичен»¹. Интересно сопоставить антиномию хилиазма-эсхатологизма с двумя личностными типами «эпохи перемен», о которых о. С. Булгаков пишет в сборнике «Вехи» - типом, ориентированном на «интеллигентский героизм», и противоположным ему типом личности, ориентированной на «духовное подвижничество». По мнению Т.Д. Суходуб², в противопоставлении этих двух типов личности о. С. Булгаков предупреждает опасность подмены творческого духовного каждодневного труда, постепенно создающего социальную и культурную реальность, ложной преобразовательной деятельностью по перестройке всего и сразу, ведущим к разрушению социальной и культурной среды. Тип личности, ориентированной на «интеллигентский героизм», вполне, по-моему

---

¹ Булгаков С. Н. Апокалиптика и социализм // Два града. Исследования о природе общественных идеалов. – СПб, 1997. С. 78.

² Суходуб Т.Д. Что дает современному сознанию философия Сергея Булгакова? // Героизм и подвижничество. Творчество С.Н. Булгакова в современном дискурсе (к 130-летию со дня рождения С.Н. Булгакова): Украинский журнал русской философии. Вестник Общества русской философии при Украинском философском фонде. Вып. 2. – К.: «Радуга», 2005. С. 220.

мнению, соотносим с тем пониманием хилиазма, которое мы встретим у о. С. Булгакова. Противоположный ему тип «духовного подвижника», в свою очередь, соотносится с эсхатологизмом. Т.Д. Суходуб отмечает: «...Подвижничество в булгаковском видении проблемы и есть выработка личности, формирование гражданской позиции, в которой только и заключена живая творческая энергия. Только такая личность сможет защитить себя (и не только себя), но и мир, который перестал в современных исторических условиях обеспечивать сохранность культур, цивилизаций, народов, отдельных людей и потому так же, как и личность, нуждается в защите»¹.

Понимание эсхатологических судеб культуры в философии о. С. Булгакова тесно связано с проблемой теургического акта. Именно учение о теургии о. С. Булгакова является основанием для обоснования необходимости различных форм социального и культурного творчества и их оправдания в эсхатологической перспективе. Понятие «теургия» (греч. Θεού – бог, έργον – дело, – богодейство, богоделание) – было введено в оборот русской религиозной философии Владимиром Соловьевым («Философские начала цельного знания»), который в контексте развития представлений о сущности и назначении искусства использовал его в значении «мистическое творчество» («Теургия», по Соловьеву, это «мистика, изящное и техническое творчество», взятые как единое «мистическое творчество»². По определению Владимира Соловьева, теургия – это «реализация человеком Божественного начала во всей своей эмпирической, природной действительности, осуществление человеком Божественных сил в самом реальном бытии природы»³. Задача «свободной теургии», определенная Владимиром Соловьевым – «пересоздать существующую действительность, на место данных отношений между божественным, человеческим и природным элементами установить в общем и в частности, во всем и каждом, внутренние органические отношения этих начал»⁴.

Обращение Владимира Соловьева к понятию «теургия» связано с продолжением разработки им софиологической проблематики: София в теургической эстетике Владимира Соловьева выступает в качестве принципа, который организует три составляющие соловьевского мировоззрения – теософию, теократию и теургию (богомудрие, боговластие и богоделание) (А.П. Козырев)⁵. Темы богочеловечества, свободной теократии и теургии тесно взаимосвязаны: так, сущностью теократии становится соединение человека с Богом, и ее началом – богочеловеческое начало. Всемирная теократия предваряет наступление Царства Божия, и

---

¹ Там же. С. 220-221.

² Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соч. в 2-х т. – Т. 1. М. – 1988. – С. 156.

³ Соловьев В.С. Чтение о богочеловечестве // Соч. в 2-х томах. Т. II. – М., 1989. – С. 143.

⁴ Там же.

⁵ Козырев А.П. Софиология // Русская философия: Словарь. – М.: Республика, 1995. – 655 с. – С. 466.

таким образом эсхатологическое значение учения о теократии выражается в сотрудничестве Бога и человека, которое требует от человека активности, творчества, реализации собственной сущности. Более подробно эсхатологическая роль творчества человека раскрывается в рамках концепции теургии как «цельного творчества» грядущей жизни, имевшей определяющее значение для последующей религиозной философской мысли. Вслед за Вл. Соловьевым теургия рассматривается о. С. Булгаковым в основном как задача человечества – софийное преображение мира, возвращение природе ее софийного первообраза. Под теургией им понимается религиозное искусство, в котором реализуются высшие творческие силы человека, открытого и чуткого к Богу, и действуют преображающие жизнь Божественные энергии¹. Отправной точкой для рассмотрения теургии для о. С. Булгакова, как и для Вл. Соловьева, становится проблема сущности и назначения искусства; мыслитель отмечает стремление искусства стать «действенным, не символическим, а преображающим»².

Однако о. С. Булгаков обозначает свою позицию как попытку преодоления взглядов Соловьева и его последователей. Отец Сергей Булгаков не согласен с основными установками учения Вл. Соловьева о теургии³, которое, по его мнению, исказило сущность вопроса определением задач искусства как теургических: «можно ли говорить в применении к человеческому творчеству о теургии, Θεοῦ ἔργον, о богодействе? Ведь следует различить действие Бога в мире, хотя и совершаемое в человеке и чрез человека (что и есть теургия в собственном и точном смысле слова), от действия человеческого, совершаемого силой божественной софийности, ему присущей»⁴. Последнее философ определяет как «антропоургию», являющуюся вместе с тем и софиургией⁵. Это «человеческое восхождение», которое «от земли устремляется к небу». Теургия же для о. С. Булгакова – божественное нисхождение, которое «идет с неба на землю»⁶, и «обе эти возможности: теургия и софиургия, должны быть совершенно определенно различены»⁷, причем теургия выступает в качестве божественной основы всякой софиургии.

Теургия как действие Бога есть изливание Его благодати на человека, которое зависит не от людей, но от воли Божией: «Теургическая власть дана человеку Богом, но никоим образом не может быть им взята по своей воле, хищением ли или потугами личного творчества, а потому теургия,

---

¹ Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. С. 219.

² Там же. С. 320.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

как задача для человеческого усилия, невозможна»¹. Однако это не умаляет свободы человека и не исключает необходимости личностных усилий и особой настроенности человека. Теургия – это продолжающееся во времени в человеческой душе и человечестве боговоплощение². Как и П.А. Флоренский, о. С. Булгаков рассматривает учение о теургии в связи с рассмотрением проблем сущности и назначения культа: «религиозный культ есть, так сказать, нормальная, хотя и не единственная, область теургии, церковные же таинства ее центральные очаги».

Основание христианской теургии было положено Христом в Пятидесятницу, и теургическая власть, врученная Церкви через преемственную благодать, сообщенную апостолам, осуществляется через богослужение, центральное положение в котором занимают таинства: «Теургия таинств тесно связана с богослужебным обрядом и вообще с культом, составляющим как бы ее плоть. В богослужебном чине также нет места личному творчеству как таковому, здесь властвует сверхличная сила священнодействия»³.

Теургическая сила, являемая в таинствах, дается, а не берется, и человек здесь является приемлющим, а не творящим. Однако для достойного приятия теургического акта требуется духовное трезвение, молитвенное горение, собранность всех духовных сил. Творческим усилием здесь является напряжение всех сил духовного существа в одном порыве к Богу. Если софийное творчество стремится к художественному достижению, а потому выражается в творении, то молитвенное творчество, "духовное художество", "умное делание", осуществляется в самом акте, – молитве и богообщении. Именно данный аспект теургийной проблематики связан, по мысли о. С. Булгакова, с акцентировкой внимания на проблеме самоопределения личности, максимального ее творческого раскрытия, с «личностным дерзанием», выражаемом особенно ярко пророками и святыми. Неслучайно теургами в подлинном смысле именует о. С. Булгаков преп. Сергия и преп. Серафима.

Сущность теургического акта раскрывается о. С. Булгаковым на примере таинства, которое «есть реальное действие и присутствие Бога, это составляет в нем «трансцендентный», безусловно чудесный элемент, который в то же время сочетается с космической стихией и человеческим естеством. И вот это-то сочетание, встреча и соединение божеского и человечески-космического, и есть таинственная и дивная точка богочеловечества, реально осуществляемого в таинстве»⁴.

Основанием для оправдания культуры в эсхатологической перспективе выступает то, что область теургии не ограничивается

---

¹ Там же. С. 321.

² Там же.

³ Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с. – С. 325.

⁴ Там же. С. 321.

священством, а включает и другие служения, отмеченные печатью богодейства. «Всякое служение, поскольку оно совершается при содействии благодати Божией, стремится стать теургическим» – пишет о. С. Булгаков. Таким образом, теургийность служит основанием для сведения различных видов человеческой деятельности воедино, т.е. теургия – условие целостности всех сторон бытия человека и вместе с тем условие утверждения ценности социальной жизни личности. Большой интерес, на наш взгляд, представляет мысль о возможности различий в степени и интенсивности теургичности, ощутимых в религиозном опыте, но не поддающихся формулировке, которую о. С. Булгаков раскрывает в своей теургической концепции. Подводя итог рассмотрению теургии о. С. Булгаковым, можем сформулировать его понимание теургии как действия Бога в мире, совершаемого в человеке и через человека и направленного на достижение эсхатологического финала – преображения мира, культуры и личности.

При этом о. С. Булгаков осуждал любые попытки использовать эсхатологию как средство манипуляции общественным сознанием, ее превращение в социально-историческую программу. Напротив, плодотворным с точки зрения о. С. Булгакова прочтением эсхатологии является ее понимание в антропологическом ключе: как интимного человеческого переживания, экзистенциального ощущения непрочности бытия человека и мира. О. С. Булгаков писал: «Насколько эсхатологизм есть интимное настроение личности, музыка души, он остается живым и подлинным мистическим переживанием. Но стоит только превратить его в отвлеченную норму, в догматическую идею, как он оказывается тоже лишь исторической программой, при том насильственно, изуверски калечащей живую жизнь, то есть становится воплощенным противоречием»¹. О. С. Булгаков подчеркивает, что эсхатологизм в подлинном смысле – это эсхатологическое чувство человека, интимное переживание, мироощущение личности, к нему в полной мере также подходит определение экзистенциального (хотя самим философом оно и не использовалось). Подлинный эсхатологизм отличает личность, ориентированную на «духовное подвижничество», на созидание и сохранение духовных ценностей. Социальное и культурное творчество при этом приобретает эсхатологический характер, о чем писал также Н. Бердяев. Это творчество культуры предельно раскрывает в личности ее сущностные основания.

Путь овладения культурой происходит, как отмечает Ю.Ф. Карякин, «...в самом человеке, и в этом – его самоспасение»². Об эсхатологическом смысле культуры с созвучной мысли о. С. Булгакова позиции позднее

---

¹ Булгаков С. Н. Апокалиптика и социализм // Два града. Исследования о природе общественных идеалов. – СПб, 1997. С. 124.

² Карякин Ю.Ф. Достоевский и Апокалипсис. М.: Фолио, 2009. С. 15.

писал Вяч.Вс. Иванов: «...В основе человеческой культуры лежит тенденция к преодолению смерти, выражающаяся, в частности, в накоплении, сохранении и постоянной переработке сведений о прошлом. В XX веке эта тенденция особенно обостряется благодаря теоретической и практической постановке проблем, касающихся временных границ цивилизации, локальной и общечеловеческой <...> В какой-то мере вся человеческая культура остается протестом против смерти и разрушения, против увеличивающегося беспорядка или увеличивающегося единообразия энтропии»¹.

В заключение отметим, что ярко выраженный эсхатологизм в трактовке о. С. Булгаковым культуры прямо связан с его направленностью на религиозное постижение человека и мира путем теургически действенного участия человека-творца в процессе преобразования бытия. Основными идеями при этом являются осознание катастрофической непрочности бытия человека и культуры, необходимость эсхатологической надежды как устремленности к новому, преображенному бытию, утверждение значимости творческой активности человека в эсхатологической перспективе, обоснование необходимости синтеза различных форм культурной деятельности. Убежденность в неизбежности катастрофического конца света, лишенная эсхатологической надежды на наступление нового бытия, оборачивается для современного человека утратой собственной сущности как творца культуры и социальной реальности. Ведь именно чувство эсхатологической надежды связывалось о. С. Булгаковым с обретением человеком своей подлинной сущности в единстве Разума, Добра и Красоты. Культура, по замечанию В.Н. Поруса², выступает для о. С. Булгакова в качестве системы ориентиров на этом пути. Уход от культуры будет означать отказ от смысла самого существования человечества, разрушение самого человеческого мира. В этом видится актуальность предостережений о. С. Булгакова, их созвучие тем тревожным сигналам приближения антропологической катастрофы, которые проступают в духовной ситуации современности.

---

¹ Иванов Вяч.Вс. Категория времени в искусстве и культуре XX в. // *Structure of text and Semiotics of culture*. Mouton, 1973. P. 148-149.

² Порус В.Н. У края культуры (философские очерки). М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 91.